

Ничего или водяной пар

ТЕМПЕРАТУРА СВЁРТЫВАНИЯ КРОВИ

Поздняков Илья

18+

Илья Поздняков

Ничего или водяной пар

<https://litres.ru/74111664>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это моя первая книга из цикла. Уже есть планы на продолжение. Пока, мне интересно, что из этого выйдет. Но планы у меня серьёзные.

Илья Поздняков

Ничего или водяной пар

Цикл книг «Ничего или водяной пар».

Книга первая: «Температура свертывания крови».

Пролог

Люди, мечтающие о вечной жизни, богачи, учёные, это никому из вас не надо. Это очень тяжёлое бремя: просыпаться ежедневно столько дней подряд, есть одну и ту же еду. Даже путешествуя по всем странам мира, за немалый срок всё успеет надоесть. Жить как жил и не иметь возможности хоть что-то поменять, ведь за двести с лишним лет ты пробовал практически всё. Что хорошего люди нашли в индивидуальном бессмертии, ведь чаще всего бессмертием хочет обладать лишь один индивидуум, а не распространять это значение на всех разумных?

Бессмертие — это как подписка на бесконечный сериал, где все сезоны, кроме первого, — сплошные драмы. Ты смотришь, морщишься, думаешь: „Ну вот опять...“ — а отменить подписку не получается. И главное — никаких титров в конце.

По началу ты думаешь, что это сон, хороший и приятный сон, из разряда тех, когда тебе снится богатство, слава, роскошная жизнь. Сны, где ты обоюдно влюблён, где тебе всё

можно. А на деле – пустота в душе, ужасные сны, где ты теряешь близких, себя, всё, что тебе важно и дорого. Абсолютная пустота в душе, зияет дыра, а в ней ничего.

А что такое «ничего»?

Отсутствие звуков?

Нет, это вакуум.

Отсутствие смысла жизни?

Нет, это отсутствие сознания. Если взять в сравнение то, что есть, и то, чего нет, очень простой пример.

Вода – это источник пищи, источник утоления жажды, и ещё вагон и маленькая тележка для чего нужна вода, H_2O . А в сравнении с этим, что такое водяной пар? Тот же H_2O , но только в его газообразном состоянии, испарился, и из него ничего не сделать, ни приготовить, ни напиться, с ним ничего не сделать. Водяной пар уже ушёл в воздух и уже представляет собой другой химический элемент. После такого начинаешь понимать, что такое «ничего». Это уже часть воздуха, это просто пар, устремляющийся к небу. Вот что такое «ничего».

Самое обидное, что в данной истории этим «ничего» была я, существо, прожившее более двухсот лет и от самого себя не оставившее того, кем оно было раньше, того меня уже не было.

Да-да, если ты бессмертен, это не значит, что ты не умираешь. Возможно, ежедневно, возможно, ежечасно, возможно, когда уходит близкий тебе человек. Когда меняешься сам,

когда тебя меняют и подстраивают под себя другие люди.

Ты не умираешь сам, умирает часть тебя. Ты уже не тот ребёнок, что в 7 лет пошёл в школу, не тот, кто в 14 впервые узнал, что такое секс, не тот, кто в 18 стал свободен от мнений своих родителей, не тот, кто в 24 почувствовал самостоятельность, обзавёлся семьёй. В 30 лет, когда едешь на дачу на шашлыки с друзьями, в 50 лет, когда шашлыки тебя уже мало волнуют и ты едешь на ту же дачу полоть сорняки, в 60, в 70 лет, когда ты уходишь на пенсию, в то время, когда тебя радует простой диалог, просто с кем-то новым поговорить – для тебя уже хороший день.

Умирает время в тебе, часть твоей жизни. С каждым годом, месяцем или днём ты меняешься, меняешься настолько, насколько это возможно и невозможно. Уснул одним, а просыпаешься другим.

В 18 тебе не нужна забота родителей, которая была так необходима в детстве, в 20 тебя не интересуют игрушки, что так будоражили мозг в 12, в 24 ты не думаешь о девушках как об элементе удовлетворения своих сексуальных потребностей, в 30 ты не думаешь обо всех развлечениях, о которых думал в 18. В 40 ты хочешь мотоцикл, квадрокоптер и ещё кучу бесполезных вещей, в 60, в 70 лет ты хочешь только одного – здоровья, и больше тебе ничего сильно не нужно. Ты сам остаёшься живым, но постоянно частично умираешь.

Знаете, когда тебе 213 лет и не такие мысли уже были, особенно когда при тебе умирали твои же дети, ведь не часто

мы слышим термин осиротевшие родители. Как бы грустно эта история ни звучала, она есть, и, к сожалению, жива в нашем мире. Но хочу я рассказать немного о другом, о себе.

После сказанного

У меня появилось время, и я решил рассказать свою историю. Мне вечно 25 лет, но я в заточении, и завтра в очередной раз меня попытаются лишиться жизни. Я расскажу, как жилось мне двести лет назад и как жилось две недели назад. А как я попал в клетку времени, ведь время — не линия, не круг, не спираль. Оно — сеть, где каждая нить — выбор, каждая ячейка — потеря, каждый узел — воспоминание, которое не даёт тебе стать паром, уносящимся в небо, я поведаю немного позже.

Часть 1. «Пепел»

Глава 1.

Родился я в 1812 году, в одной из околomosковских губерний, сын гренaдeрa, вeрнувшeгoсeя с вoйнe в aпрeлe 1813-гo.

С трёх лет отец учил меня быть сильным и храбрым. В те годы многие боялись новых войн и строго муштровали детей. К своим неполным семнадцати годам я стал отличным наездником, владел приёмами кулачного боя и стрельбой из мушкетов, а в метании предметов мог дать фору даже отцу.

К счастью, крупных конфликтов не случилось — лишь локальные стычки, в которые наши части редко призывали. До двадцати пяти лет жизнь текла спокойно. Я стал воен-

ным, обучался в лучших кадетских корпусах, получил хорошее образование: выучил французский, знал произведения отечественных авторов.

Особенно любил Гоголя. Именно у него я почерпнул мысль: чем больше страданий, тем глубже творчество. Но для меня это касалось жизни. Я не был писателем, но верил: испытания закаляют дух. Пушкин же, несомненно, заложил основы русской письменности и способствовал развитию культуры.

Порой меня считали странным. Целыми днями я занимался саморазвитием: читал, тренировался в стрельбе и фехтовании. В моём возрасте ровесники уже женились и растили детей, а я оставался одинок — зато чётко понимал себя и своё окружение. Я мог уйти на холм смотреть закат и, погрузившись в мысли, встретить рассвет. Моя натура была романтической, но я не терял связи с реальностью — в отличие от Дон Кихота.

Я готовился ехать в Москву, поступить на службу, прославить нашу фамилию. Ведь что есть жизнь, если тебя не вспомнят потомки? Если о тебе не напишут биографию? Сейчас я понимаю: это была наивность. Жизнь — не предрешённость. Человек становится героем не по рождению, а через выбор. Порой всю жизнь живёшь неправильно, а в последний момент совершаешь подвиг.

Романтика хороша в меру. Всегда нужно помнить: судьба может всё изменить в секунду.

Это отступление — взгляд спустя годы. Вернёмся к тому времени.

Я собирал вещи. Ехал надолго, на неопределённый срок, поэтому готовился тщательно. Дни шли ровно и спокойно.

Но в один миг всё перевернулось.

На деревню обрушился град. Не обычный — а бушующее пламя, которое ничего не щадило. Градины не таяли: по цвету и структуре они напоминали лёд, но были чем-то иным. Плазменные шары? Сгустки энергии? Спустя почти двести лет я могу лишь предполагать.

Тренировки с отцом не прошли даром. Я действовал чётко: бегал, укрывался, кувыркался, словно под артиллерийским обстрелом. Было ли это везением, подготовкой или судьбой? Не знаю. Но отец не успел... Возраст взял своё. Я не заметил, как остался один. Вокруг кричали люди, выла скотина, а всё вокруг полыхало. Деревушка была небольшой, но площадь охваченного огнём казалась бесконечной.

Я стоял почти голый, в рванине. Один рукав тлел, другой отлетел во время акробатики. Не моё везение меня спасло — реакция. Из всех выжил лишь я.

Огонь утих. Вокруг было светло, как днём. Всё горело, но странное свечение подхватило меня и понесло вверх. «Вот и конец», — подумал я. Но нет.

Деревянные дома горели быстро. В луче света я поднимался долго — сейчас думаю, это было намеренно. Дома догорели, вверх клубился дым. В этой мгле я летел к небу, не

зная, что ждёт.

Тогда я впервые их увидел. Точнее, не увидел — всё тонуло в бархатной тьме. Той самой, которую я представлял, чтобы уснуть: абсолютная тьма, без единого проблеска.

Я был беспомощен. Остатки одежды лоскутами висели на мне. Спас меня кожаный ремень и охотничий нож за поясом. Как только почувствовал твёрдую поверхность, рванул нож из ножен. В крошечной темноте, не видя ничего, я махал им, чтобы никто не подошёл.

И тут услышал голос. Слов не разобрал, но метнулся на звук и воткнул лезвие по рукоять. Кто-то взвизгнул и упал. Я хотел продолжить, но вдруг не смог пошевелиться. Голубая завеса окутала меня, сковывая движения. Я чувствовал руки и ноги, но шевелил ими с огромным усилием. Силы покидали меня.

— Ты показал выдающийся результат, — произнёс голос по-русски. Он не был жестяным — обычная речь человека, выучившего язык. Перед сложными словами были паузы, ударения падали не туда.

— Как... как... гвоздь, вбитый в цель!

— Спасибо, — буркнул я. — Только гвоздь обычно не сопротивляется.

— Ты показал выдающийся результат, — произнёс рептилоид, тщательно выговаривая слова.

— Как... как... гвоздь, вбитый в цель!

— Спасибо, — буркнул я. — Только гвоздь обычно не

сопротивляется.

— Наш род ищет тех, кто достоин унаследовать силу предков, — продолжил ящер. — Вы доказали, что способны нести эту мощь. Согласны ли вы принять дар и стать частью нашего наследия?

Злость вскипела во мне. Я хотел закричать: «Пошли вы...», но лёгкие сдавило. Каждое слово приходилось вытягивать с усилием. Вместо отказа сорвалось:

— Да, конечно. Как гаечный ключ — пока не сломается... Мысль «Я согласился!» мелькнула — и я отключился.

Очнулся в светлой комнате, не связанный. Лежал под грудой одеял, голый, и пытался вспомнить, что произошло. Всё упиралось в это «да». Больше — пустота.

Встал. Надо обдумать: я не связан, согласился на их предложение — значит, не пленник? Проверим дверь.

Сделал шаг — дверь ушла вбок. И я впервые увидел его.

Смесь варана и птеродактиля: прямоходящий ящер с шестью конечностями, рудиментарными крылышками на спине. Крылья были маленькими, не шевелились. В детстве я слышал сказки про драконов. «Да уж, попал так попал», — мелькнуло в голове.

Отвращение к твари боролось со здравым смыслом. Я подавил ярость и почти с поклоном произнёс:

— Добрый вечер.

— Мы приветствуем вашу особь на корабле. Вы у нас около двадцати пяти минут земного времени. Операция прошла

успешно. Сейчас мы над остатками вашего поселения, вскоре возьмём курс на нашу древнюю базу — место нашего происхождения, — отчеканил ящер.

Манера говорить, как у робота, обо всём произошедшем, и упоминание деревни укололи меня в самое сердце. Я бросился на эту тварь. Острые зубы и когти полосовали меня, но мне было безразлично: я уже поддался ярости боя и лупил эту ящерицу обо всё, что мог.

Это могло затянуться, но в тот момент, когда я ударил враньей головой о какой-то пульт, в полу открылся люк, и мы начали падать. Я посмотрел вниз, вверх, взглянул по сторонам, понимая, что сдохну через несколько секунд, и сказал:

— Помогут ли тебе твои крылышки, птеродактиль? — и заржал.

Может, я и не победил, и скоро превращусь в мокрое пятно на земле, но я сделал что мог, и это не могло меня не радовать.

Глава 2.

Но моя смерть так и не наступила. Я долго летел вниз и упал. Было очень больно; не знаю, как это описать, с чем сравнить. Возможно, по пику боли это сравнимо с ритуальным убийством у викингов — «Кровавым орлом». Подробно описывать я это не буду; это единственное, что пришло на ум, когда я думал о нечеловеческой боли. Мне кажется, я сломал каждую кость в своём теле; даже не сломал, а ка-

кие-то из них практически превратились в пыль. Не знаю, возможно ли это, но ощущения были именно такие. Как ни странно, спустя мгновение после падения я смог встать. Ничего не понимая, кроме одного: я живой. За этот день, скорее за эти часы, минуты, я уже устал удивляться и огляделся.

Всё вокруг горело, доски с треском обваливались. Я стоял на пылающих углях родного дома. Как интересно: ведь я мог упасть куда угодно. Я пробыл на корабле некоторое время, он мог изменить свою дислокацию, да и забирали меня совсем из другого места. Думая о патетике и софистике, я пытался понять, что делать дальше; только непрерывная работа мозга не давала мне сойти с ума. А вокруг были только смерть, хаос и разруха. Взглянув вверх, я ничего не увидел. Я огляделся более пристально, вспомнив о том, что изначально я падал не один, но никого и ничего не увидел. Я осел наземь, обхватил руками голову и, слишком сильно уйдя в свои мысли, задремал.

Видимо, ненадолго — разбудило меня жжение в ноге. На ней лежало огромное полено; мой дом до конца сложился. Всё ещё будучи в непонимании, я удивился тому, что на мне ни царапины. Этому я ещё буду долго удивляться, а первое время ещё и баловаться с этим. Но в данный момент надо было думать, что делать дальше.

Вокруг ничего живого; хотелось дать волю эмоциям и заорать, но, осадив сам себя, дав себе оплеуху, я принялся за дело. Пошёл искать гостки пепла или другим останкам тел,

что были моей семьёй или теми кто был мне близок, и пошёл искать лопату.

Даже будучи крещёным, я не верил в Бога, а моя семья верила, вся деревня верила, поэтому забив на собственные убеждения, я постарался максимально подробно сделать ритуал священника, сюда вряд-ли кто-то приедет в ближайшее время, тем более это не будут представители духовенства.

В одном из менее разрушенных домов я нашёл лопату и штаны. Хотелось хоть как-то скрыть наготу, которая до этого момента меня никак не смущала. Ведь бегать голым по мертвой деревне — это одно, а хоронить близких — это другое.

Копал я недолго, часа два. Те горстки пепла, которые смог найти, что остались от моего дома и моих близких, не занимали много места. Молитв погребения я не знал, прочитал «Отче наш» — этому учили везде, — трижды перекрестившись, и зарыл эту братскую могилу, соорудил из крепких палок крест, водрузил его, упал на колени и заорал, наконец, дав волю своим эмоциям. Прошло пару минут, и мне на лицо начало капать, потом и вовсе начался сильный ливень. Порыв минут пять, захлебываясь дождевыми каплями, я встал и посмотрел на заливающий небо на востоке солнечный свет. Выплескивал свои эмоции не только я, но ещё и небо. Как и говорил, я романтичен, но не писатель, но вдруг с губ начали срываться слова:

Тьма? Это не конец.

Боль? Это мой венец.
Падал, вставал, опять падал,
Теперь я знаю — я не слаб.

Туман? Он мне не преграда.
Мишень? Пусть целятся — не надо.
Я иду. Цель ясна.
Кровь свёртывается. Война.

Стоя в одних штанах, в копоти, гари, весь в земле, я пытался думать дальше; видимо, эти неумелые строки высосали из меня все здоровые мысли. «Пламя и пепел», — сказал я, сплюнул и пошёл вперед, оглянулся в последний раз, посмотрел на место, бывшее моим домом, и сказал без злобы и обиды, уже уставшим голосом: «Вы зря пришли на эту землю, она не принадлежит вам и никогда не будет. Это наша земля, наша планета, моя земля и планета. Я вас накажу, чего бы мне это ни стоило».

Глава 3.

Шёл уже третий день, как я уходил из своей деревни, и я изучал свои возможности. Голод и жажда меня убивали, но медленно, и я возвращал себе умершие органы моментально, и из-за этого миг смерти был коротким, но всё равно неприятным; после этого я оставался бодрым и свежим,

только мой внешний вид менялся: росли борода, волосы и ногти. Выйдя на тракт спустя десять дней, я наконец-таки дошёл до какой-то деревушки. Нашёл постоянный двор. Будучи едва похожим на человека — чумазый, лохматый, без единого намёка на то, что я платежеспособен. Черттовски хотелось поест, попить; смерть, пусть и быстрая, была крайне болезненной. Больше всего мне хотелось смыть с себя всю гадость, что облепила моё тело, разум и душу.

Заходить я не хотел ни в таком виде. Обойдя заведение, через забор я увидел служебную дверь и остался ждать. Мне повезло: спустя минут двадцать оттуда вышел коренастый мужчина и достал трубку. Это было не дешёвое удовольствие, и я понял, что вряд ли это обычный работник, а скорее всего — хозяин двора. Окликнул его; в его взгляде было презрение, но он подошёл, и я смог рассмотреть его поближе: хорошая одежда, сшитая на заказ, борода до пояса, он выглядел как зажиточный купец, но одна деталь меня всё же порадовала. Хорошие глаза — это всегда очень хорошая черта; ощущение, что он мне поможет, оказалось ближе, чем я думал.

Подойдя, он тоже пристально осмотрел меня и спросил: «Что случилось, сынок?» Это «сынок» ещё больше меня к нему расположило; я не хотел врать, но какие-то вещи всё-таки следовало оставить при себе. Я рассказал, откуда я, что была сильная буря, сверкали молнии, мою деревню, мой дом спалило, один лишь я чудом уцелел; сказал, в какой это сто-

роне, если захочет проверить. По мне, это был примерно похожий рассказ про то, что случилось. Боюсь, если бы я начал говорить про пришельцев и другие подробности, меня бы сдали в дом для умалишённых. Не знаю, поверил он мне или нет, но ответил так: «Вон там сарай, на сено ляжешь, сейчас тепло, не простынешь; колодец сажень двадцать от сарая, иди помойся, еду тебе принесут в сарай, отдохни пару дней, и мы потом с тобой ещё раз поговорим, вижу, тебе надо прийти в себя». Не дожидаясь моего ответа, он подмигнул мне и ушёл, так и не выкурив трубку.

Поев и помывшись, я шёл поблагодарить главу постоянного двора, которого звали Василий, и сказать, что хочу помочь ему, ответить услуга за услугу, но он меня не слушал: выделил мне простенькую одежду из своего гардероба, ходил и занимался своими делами. Будучи одетым, я сел за один из столиков и принялся ждать. Прошло несколько часов, пока не началась обычная пьяная драка. Всё бы ничего, если бы не тот факт, что драка переросла в грабёж: из кухни убежал крепкий малый с тесаком, чтобы успокоить трёх мужиков с ножами, что требовали деньги. Его зарезали, быстро и хладнокровно; грабители знали, на что идут, и не боялись убивать. Драка напоминала балет: три танцора с ножами, один с тесаком и я — как дирижёр, который решил вмешаться. Подскочив, разбил взятой с соседнего стола бутылкой голову одного из грабителей, двух других положил в рукопашном бою; холодное оружие — это большое преимуще-

ство в трактирной драке, если умеешь им пользоваться. А они умели, но на дворовом уровне, а моя военная подготовка и пройденная война давали мне широкий спектр преимуществ. При хороших условиях я бы и пять таких положил. А учитывая мои новые способности, то не знаю, сколько человек смогли бы меня остановить. Завсегдатые начали расходиться, персонал убирал трупы и причиненный ущерб, Василий командовал, я зашел за стойку с напитками и налил себе что-нибудь покрепче. Закончив раздавать указания, владелец трактира обратил на меня внимание и сказал: «Я чувствовал, что если помогу тебе, ты поможешь мне, спасибо. Не хочешь ли остаться и поработать у меня?» Смотря как выносят тело повара, что так храбро вышел из кухни один на троих, я спросил: «Поваром?» Несмотря на трагичность ситуации, Василий улыбнулся и ответил: «Это был мойщик посуды, если хочешь, определим тебя на его место». «Он улыбнулся, но в глазах мелькнула усталость — как у человека, который слишком часто терял то, что строил годами. „Это пятая попытка за полгода, — тихо сказал он. — Раньше я надеялся на удачу, теперь — только на тебя». Я не стал долго думать, мне нужно было очень о многом подумать и решить мой дальнейший путь, а передышка с возможностью изучения себя мне бы очень помогла: «Я согласен», — коротко ответил я. Дальше мне показали, где моё место для сна, и ещё раз поблагодарили все сотрудники этого замечательного места.

Итак, пока я помогал по хозяйству и периодически выкидывал разнообразную публику, произошла ещё одна попытка грабежа; из гостей и работников никто не пострадал, в отличие от нападающих. И у заведения появилась «дурная» репутация для грабителей.

Хорошо общался с сотрудниками и завсегдатаями: после закрытия сидели, выпивали и болтали. Все поражались моему умению пить, ведь я не пьянел. Не знаю, что именно это было: организм блокировал этанол, попадающий в кровь, считая его вредной бактерией или чем-то ещё. Но мои сбережения всегда увеличивались благодаря спорам на то, кто кого перепьёт, хотя это быстро кончилось. Изредка удавалось затеять спор с кем-то из заезжих; жил весело и интересно.

Моя способность не пьянеть была не единственной. Очень часто, особенно вначале моего проживания на этом постоянном дворе, беря нож, я уходил к реке и проверял себя и свой организм. Вначале было страшно, и я ограничивался только порезами, которые затягивались быстрее, чем я убирал нож. Дня через три любопытство взяло верх, и я рубанул себе палец. Было чертовски больно, еле сдержался, чтобы не заорать, но с того момента, как я захотел зажать рукой рот, чтобы не закричать, и донести её до лица, палец уже был на месте — прошло всего лишь мгновение.

Я тренировался ежедневно, и с каждым днём тело откликалось всё быстрее. Раны заживали на глазах, усталость не приходила — но иногда, ночью, я ловил себя на мысли: Что,

если однажды оно перестанет? У меня больше не было усталости и одышки; опять же, не знаю всех причин — более быстрая циркуляция воздуха и крови в организме, тогда это было слишком сложным для понимания. При этом мышечная масса росла, если я хорошо питался. Тоже странно: если я не ем и не пью, то умираю, но организм выращивает новые органы; однако если заниматься и не есть, то эффекта не будет. Слишком много вопросов и практически нет ответов.

Ещё я пробовал не спать какое-то время. Я продержался неделю, начал видеть галлюцинации, бредить, нарушалась координация. Понимая, что меня это убьёт, я всё-таки лёг спать, ведь умирать — это больно.

Шло время, я думал, что мне делать с этими возможностями и как найти тех, кто сделал это со мной и моей семьёй. Прошло уже два года, я никак не менялся. Я понимал: ещё года три, и это будет странно для окружающих — что я не старею. Подумав, я решил: если действительно я никак не буду меняться больше пяти лет, оставаться в одном месте нельзя и пора уже думать о том, что делать дальше.

Прошло четыре года, как я жил у Василия, пока мне никто ничего прямо не говорил, но я слышал разговоры о том, что я не изменился никак и нормально ли это. Вот тут понимая, что вопрос о том, что надо как-то менять дислокацию встал особенно резко, но тут судьба дала мне шанс, хотелось бы сказать подарила, но не думаю, что это мог быть подарок.

Одним из зимних вечеров я выгонял со двора очередного

дебошира, который сильно перебрал и начал лезть ко всем с кулаками. Вышвырнув его лицом в сугроб, я затем поднял его и пинком отправил в сторону дома. Стал возвращаться в заведение и решил посмотреть, идет ли он вообще, и увидел конницу. Судя по одежде — обычные люди, дюжина человек. Я начал всматриваться: они как раз были близко к тому пьянчуге, которого я только что выкинул; там еще шныряли люди: кто в гости, кто из гостей. Я вдруг увидел, как конный отряд ускорился и обнажил клинки; все, кто попадался на пути, теряли конечности. От их ударов люди падали замертво, некоторые в безмолвном крике; кто-то успевал увернуться, но попадал под копыта, неминуемо погибая. Увидев эту кавалькаду, несущуюся в нашу сторону, я почувствовал, как меня охватили злость и ярость. Кто-то опять хочет погубить место, где мне хорошо? Не позволю! Не думая, я бросился на задний двор, взял топор, забежал внутрь, взял свои ножны и гаркнул: «Запереться и никому не выходить!» И ураганом вырвался наружу. Как ни странно, все эти мои действия не заняли и минуты; разбойники, бандиты, убийцы — не знаю, как их назвать — еще только приближались. Почему сейчас зима? Вот бы сейчас и камни были под рукой. Я бережно положил ножны, взял ледышку и кинул в одного из них; попал — он слетел с седла и упал замертво. Взял свою шашку из ножен. У нас тут кузнец, черкес, у него были лучшие клинки. Метнул топор в самого рьяного всадника, тот тоже рухнул. Передо мной кружили десять всадников. Я от-

скочил на крыльцо, чтобы доставить им дискомфорт, но то ли они не знали конного боя, то ли решили, что им хватит сил убить одного, но они ошибались. Подходя нестройным строем по два-три человека, первые два не успели понять, как закончили существование. Видя это, остальные восемь начали брать меня в кольцо. Пока они не собрались, двоим я перерубил горло и одному резанул ногу. Но сейчас я стоял в кругу шести озлобленных убийц и рванулся вперед, стараясь защитить голову; отбивал, бил, резал. Пелена ярости окутала меня, но их было больше, и они меня задавили числом. Я был военным, но нас учили искусству холодного и огнестрельного оружия, а не рукопашной схватке; не был я знатоком единоборств, и в один момент толпой меня смогли повалить и начали резать. Кто-то сел на руки, кто-то на ноги — они просто хотели, чтобы я умер, но я жил, орал от боли и пытался вырваться. Шашку я все еще сжимал в руке мертвой хваткой. Кое-как мне удалось отрубить кому-то руку, после чего я смог подняться и начать контратаковать. Их осталось не так много, и они начали отступать, но я был охвачен яростью, кровавая пелена была перед глазами. Они стали целью моего мщения за то, что делали то же самое, что произошло с моими близкими. Они бежали, я догонял и убивал. По ощущениям всё длилось несколько часов, а как оказалось, вся заварушка не длилась больше трех минут: Я стоял над телами, сжимая шашку. Кровь стекала с лезвия, капала на снег — красные цветы на белом. В ушах шумело,

будто море, а перед глазами всё ещё мелькали фигуры: Шаг. Удар. Поворот. Ещё один. Кровь на снегу. Дыхание рвётся. Я не устаю. Я не могу устать...

«Постой», — голос Василия прорвался сквозь пелену. — «Ты весь в крови. Ты живой?»

Я посмотрел на него. Живой? Да. Но сколько меня осталось в этих телах, в этой крови, в этом снегу? Бессмертный, а душа рвётся на части.

«Раз ты со мной говоришь, — хрипло ответил я, — значит, не мёртвый», — ухмыльнулся я, но он не оценил моей шутки. — «Я поищу врача».

«Не нужно», — резко остановил его я, — «Пойдём к тебе и поговорим». Сначала он ошарашенно смотрел на меня, но под моим взглядом кивнул, и мы пошли. Он был умным мужиком, и как только закрылась дверь в его спальню, он выпалил: «Я же видел, как тебя резали, как ты лежал уже мёртвый! Почему ты весь в крови? На тебе не должно быть и живого места, а ты здесь со мной, цел и невредим. Почему?!» У него сдавали нервы, он метался по комнате, ожидая моего ответа. «Выпить есть?» — спросил я. Алкоголь мне не даст никакого эффекта, а его успокоит. Понимая, что мой организм может, я использовал психологические приёмы, чтобы успешно налаживать общение. Сначала он смотрел на меня непонимающим взглядом, потом пошёл, достал штоф водки и пару чарок, разлил и молча смотрел на меня. Понимая, что он ждёт от меня объяснений, я взял чарку, чокнулся с ним,

мы выпили, и я спросил: «Что ты видел?» «Всё», — коротко ответил Вася. Для понимания я уточнил: «Кто ещё видел всё?» «Никто», — уже более спокойным голосом ответил он. Этому я был действительно рад. Василий — мудрый и понимающий человек, и он будет первым, кому я скажу всё; а если бы к нему добавилось ещё несколько зевак, проще бы было притвориться мёртвым.

Я рассказал всё: с самого начала, с момента нападения на мою деревню, про разговоры, моё падение и путешествие, про фокусы с алкоголем и баловство с пальцами. Он слушал молча, с серьёзным видом, не пытаясь перебить. «Ну и завела тебя жизнь в дерьмо, парень. Я с таким не сталкивался, могу помочь тебе чем смогу: советом и материальной помощью. Если решил мстить, то мсти и не давай спуска своим врагам, кем бы они ни были, и вот». Он встал, приподнял матрас и выдал мне плотный свёрток. «Нет, не нужно», — попытался сказать я, но Вася с жестким напором сказал: «Если бы не ты, эти деньги у меня давно бы отобрали, поэтому они по праву твои. Я никому не скажу всё, что знаю о тебе. У меня будет одна просьба: ты проживёшь ещё много лет, я уверен, хоть раз зайди ко мне на могилу». Он пихнул мне деньги, которые я не хотел брать, и сказал: «На твоём месте я бы поехал в Ревель, с войны там любят русских». Он по-отечески обнял меня и ушёл. Переварив информацию, я ушёл, пытаюсь узнать, как попасть в Ревель, а сейчас — Таллин.

Часть 2. “Пламя”

Глава 1.

Жил я в Ревеле уже два года, начал учить языки: немецкий, французский (хоть я его и знал со времен получения моего образования, но надо было вспоминать мелочи), английский и, ради себя, латынь — кто знал, что мне может пригодиться в моей долгой жизни. Работал наёмным солдатом, собирал деньги. Из-за нынешнего уровня прогресса я не мог объяснить, как функционирует мой организм, и описать способности. Не знал, как я могу добраться до тех, кто это со мной сделал; пока я понимал одно: сила в деньгах, и чем больше я их соберу к будущему, тем больше у меня шансов на мою сатисфакцию. Так прошло ещё пару лет, моя внешность никак не менялась, я мог себя состарить лишь отращивая бороду, но это не сильно мне помогало, да и не любили многие этого. За эти несколько лет в Европе приходилось менять жильё, подруг, и я решил уехать обратно в Россию. Поехал на Урал, потом ещё глубже в Сибирь; ещё лет пять работал егерем в Сибири, ушёл в Индию, причём своим ходом, нашёл первый попавшийся монастырь — оказался в одном из “филиалов” тибетских монастырей — и провёл там пятнадцать лет, там не смотрели на возраст, там было важно состояние духа, поэтому на то, что я внешне не менялся, не смотрел никто, принял буддизм, но только ради видимости, был пострижен налысо, носил оранжевую робу. Ходил только босиком, хотя это было не обязательно, но мне

хотелось закалить себя и свой характер, даже в таких мелочах. Учился боевым искусствам. Жил неделями на одной воде, попытался стать монахом, но мои религиозные взгляды, после встречи с пришельцами давно стали атеистическими. Потерял смысл после пяти лет. И ещё десять изучал себя и тренировался. Понял важные вещи: за всё время моих скитаний я никак не изменился визуально, только росли мышцы и крепло тело, стал мастером единоборств в самом противоречивом стиле – кунг-фу, знал несколько языков, были свои минусы, чтобы не вызвать подозрений, я не мог оставаться долго на одном месте. Осталось разобраться, куда держать путь дальше. У меня есть цель, для цели нужны средства, чтобы были средства, нужна работа, и желательно высокооплачиваемая. Умиротворение буддизма и спокойствие монахов не сделали меня смиреннее: я умел убивать, а порой и хотел, и мне нужно было что-то связанное с этим. Одна из самых старых профессий мира. Убийца или проститутка? Ответ был очевиден, осталось понять, куда мне поехать. Уйдя из монастыря — также пешком и без обуви — шагая вблизи одной деревушки, я услышал крики и стрельбу. Спокойная жизнь, которой я жил долгое время, дала мне накопить много ярости, и я рванул на звуки.

Подбежав к домам и присев на корточки, я аккуратно выглянул из-за угла дома. Картина была следующая: горы трупов, в общей массе человек сто; женщина с детьми стоят на коленях, рядом с ними — крепкий, коренастый азиат с боль-

шим ножом. В метрах десяти — ещё один мужчина, полный, рыхлый, тоже на коленях перед тремя вооружёнными людьми. Китайский я тоже учил, но давался он мне сложно, и я пытался разобрать диалог. В итоге получалось, что мужчина, стоящий на коленях, задолжал денег за работу. За какую — я не понял: учитывая количество диалектов в китайском языке, я был рад понять хоть что-то. Из оружия у меня был простой деревянный посох и камни под ногами. Взяв камень поострее, я попытался придать себе вид старика: накинул капюшон, сгорбился так, чтобы моего лица не было видно, и тихо вышел из-за угла, используя посох вместо клюки. На меня не обратили внимания. Я почти подошёл к мужчине на коленях, как меня стали звать и угрожать (если я их правильно понял), но это явно было не приглашение попить чай. Меня взяли за плечо, я дёрнулся, метнул камень в лоб того, кто стоял у женщины с детьми, взмахнул посохом, вырубил того, кто меня схватил, лёгким движением ноги вырубил ещё одного и, схватив того, кого считал за главного, повалил и коленом прижал голову к земле.

В это время полный, рыхлый мужчина, стоящий на коленях, откуда-то выхватил нож и вонзил в голову того, кого я держал. Я обомлел. После этого он быстро бросил оружие и поклонился мне. Потом меня позвали в дом, накормили и объяснили, что это было. Мужчина, чью семью я спас, был губернатором провинции, а тот, кого убил сам губернатор, был той ипостаси, но в соседней провинции, и они что-то не

поделили; какой же сложный язык, я понимал крохи из тонн сказанного. После трапезы он позвал меня на аудиенцию и хотел поблагодарить за спасение. На своём ломаном китайском я ответил: «Я сделал это, потому что был должен, но я возьму оплату информацией». Он уважительно посмотрел на меня и кивнул: «Что ты хочешь знать, дитя севера?» Дитя севера — скорее не обидно, а приятно. «Мне нужна работа, за которую хорошо платят, и я могу делать то же, что сделал сейчас». Кивнув, он пошёл к своему столу, взял листок, дал мне и сказал: «Убей, я щедро заплачу». Иероглифов я не знал, поэтому я попросил помощи. Так я и стал частью «Триады»; казалось бы, они должны решать проблемы только в Китае, но я ездил по всему миру. Я был наёмником в разных странах, ездил где можно и нельзя, посещал уроки по единоборствам и владению разного вида оружия по всему миру. Во время революции в России был в Африке, внедрялся агентом в Северной Африке для действий в Синуйской кампании. Пропустил Первую мировую войну, находясь в Южной Америке, убивая главу картеля. В Россию я вернулся в апреле 1941 года. Вернулся в свою альма-матер. «Родина!» — заорал я, стоя на холме под Смоленском в тёплых лучах весеннего солнца. Но в июне того же года мои планы изменились. За время работы наёмником у меня накопилось изрядное количество золота. Я всегда просил платить мне золотом и местной валютой в размере 80% к 20%. 80% я брал золотом, а остальное — деньгами. Золото — это та валюта,

которую я мог использовать в любое время и в любом месте. Хоть тогда золото не имело такой ценности, как сейчас, я понимал его ценность, и по приезду на родину, в СССР уже, я купил участок и дом в деревне вблизи Москвы и начал закапывать клады для своего будущего. А обычные деньги разных стран я не всегда мог поменять на нужную валюту. Я мог бы рассказать обо всех своих приключениях в качестве наёмника, но, к сожалению, это не имеет большого смысла: все дела были похожими друг на друга, я лишь чуть больше обучался, стал машиной для убийств.

Вернулся я на родину — ну как на родину, не в империю, а в СССР — примерно в мае 1941 года; только успел закончить свои дела, как началось нападение Германии на мою страну. Ведь после эпизода моей жизни, где произошло нападение на мою деревню и смерть всех моих близких, к нападениям, которые касались моей родины, я относился очень яростно. Я пошёл на фронт, как бродяга, без документов и чинов. В Бресте я отстреливался до последнего патрона, потом, в пылу бессознательной ярости, когда всех моих перебили, я пошёл в рукопашную схватку: даже не стал брать нож, душил, избивал, сворачивал шеи голыми руками — так прошло три дня. В момент небольшого отступления врага я ушёл в тыл, из одежды на мне оставались только разодранные штаны; я дошёл до перелеска, и меня вырубил. Такого со мной ещё не случалось: я ведь не чувствовал усталости, у меня не было одышки и не хотелось спать, но это произошло. Пришёл

в себя, когда наши медики тащили меня в лес; в голове всё шумело, я пытался прийти в себя, но в голову лезли лишь строки:

Нет памяти, нет оправданий,
Есть смерть, а есть и желанья!
Есть жизнь, я за ней выживаю,
Есть день, где я возжелаю.
Иду к тому, чего я не знаю,
Проходит время, теряю память.
От жизни хочу лишь малость,
Хочу прожить, что мне осталось.
Пепел и пламя!
Этого мало.
Пепел и пламя!
Но с меня хватит!

Я шептал эти строки всё время, пока меня несли, сам я не мог подняться. Меня отнесли под тент к раненым. Я был рад, что я тут не один, но из моих никого. Меня положили, сил до сих пор не было, видимо, мои силы по поддержанию вечной жизни имели ограничения. Если учитывать, сколько раз за эти дни в меня стреляли, разрывали органы и наносили прочие увечья, мне многое становилось ясно. Мои способности имели ограничения, значит, я могу умереть, с этим следовало быть аккуратным, тем более на войне, и я отключился.

Меня отправили в московский госпиталь, ведь я пробыл без сознания несколько дней. В Москве мне дали медаль «За отвагу» и хотели перевести в тыл. Но к тому времени войска нацистов начинали приближаться к Москве, и я хотел быть на защите города.

«Чем больше бумаги, тем чище жопа» — так всегда говорят и говорили про российскую бюрократию. Я был здоров, но комиссован из-за травмы. Я перед ними и плясать был готов, но меня упорно отправляли в тыл. Тут включился в дело случай: я увидел одного из тех, кто давал мне заказы, когда я работал по найму. Он был уже генералом, в какой-то степени благодаря мне, и помог мне попасть в полк защиты Москвы.

Попал я в роту старшины Громова. У него не только была звучная фамилия, но и сам он был «громовым» — два с лишним метра ростом, а в плечах — метра полтора. Я думал, что обладаю нечеловеческими способностями, но этот человек меня поражал. Он бы и медведя завалил голыми руками. Сейчас не об этом. Нам раздали оружие и команды, ну как команды — команда была одна: «Стоять насмерть, позади Москва».

Поели, опрокинули фронтовые пятьдесят грамм, зарылись в окопы и стали ждать. Ждать пришлось недолго. Атака началась: палили танки, артиллерия, наступали солдаты. Наши ряды редели, все стояли насмерть, всё было как в Бре-

сте. Я оставался один, но на этом направлении атаки мы их сильно потрепали, оставались танк и сотня человек. Меня бы убили раз восемь, если бы не мои способности, а в живых оставался наш прапор. При его габаритах он двигался молниеносно, быстро, чётко, без замедлений. Мы берегли патроны и стреляли точно по врагам: мой опыт позволял мне грамотно использовать боеприпасы, а Громов, видимо, умел воевать с пеленок. Патроны кончились, и мы с ним лежали в окопе под огнем противника. У врагов осталось человек сорок и танк. Мне было страшно: после Бреста я боялся умереть. А Громов встал, беря в руки нож, взял противотанковые мины ПМЗ-40 — по одной в каждую руку — и укрыл их за спину, чтобы детонаторы случайно не сработали от пуль, и хотел побежать на танк. Я вырубил его прикладом по голове, взял мины и побежал. Пули меня не убьют, и я добегу, а он — нет. Позади меня был мой прапор, лежащий без сознания, простые русские люди, моя страна, а впереди — остатки врагов. А ещё за мной была моя страна, империя, союз — да как её ни назови, за мной была моя родина, моя жизнь. В меня стреляли, пули входили в меня, я бежал, корпусом снося немцев, которые смотрели на меня с оцепенением. Вначале они сбросили меня со счетов, я уже должен был быть мертв, быть никем и ничем, водяным паром, но я жил, а они переставали стрелять. В метре от танка я приложил мины к себе и прыгнул на него. Я хотел взорвать танк и всех, кто укрывался за ним, и у меня получилось. Это мог быть уровень по-

двиги Гастелло, но я-то выжил, в отличие от Николая Францевича. Подбил танк и человек тридцать, что скрывались за ним. Дальше встал абсолютно голый — мой организм смог регенерировать себя, а одежда — нет. Я снова был в ярости боя, побежал на ещё живых врагов. Без оружия, в чём мать родила, бежал и орал; в меня больше не стреляли, они начали убегать. И тогда на немецком — хоть когда-то пригодился в жизни язык, который я учил около сотни лет назад, — я крикнул: «Стоять! Я всё равно догоню, сложить оружие и лечь на землю!» Они послушно так и сделали, но тут был непослушным я: продолжая добивать их, я остановился лишь от оклика со спины. Повернувшись, увидел прапорщика, своего прапорщика, который стоял и, наверное, многое видел — всё-таки всерьёз я бы не смог его приложить. Я подошёл к Громову, хотел что-то сказать, но в немом молчании я его понял. Он стоял и смотрел на меня как на героя. Это было не то, чего я ожидал, — ожидал я допросов: «Кто ты? Что ты?» И вдруг он сказал: «Ты отомстил за наших, спасибо». В минуты нашего разговора оставшиеся человек десять сбежали, ну и пусть, мы ещё успеем повоевать.

Я осел на землю и прилёг здравый рассудок постепенно покидал меня. Громов подошёл ко мне. Я не хотел говорить, скорее даже не мог. Он подошёл ближе ко мне, всё ещё ожидая допросов я ждал, но он лишь сказал: «Я не знаю, кто ты, и знать не хочу. Просто рад, что ты за нас». “Спасибо”. Прошептал я одними губами и отключился.

Бессмертие – бессмертием, но организм не успевал так быстро восстанавливаться, ему нужен был отдых как и тогда под Брестом. Теперь не знаю, сколько выстрелов я смогу принять, сколько взрывов пережить, теперь было ощущение смертности, слабое, но было. Кто или что я такое? Неудачный эксперимент ящеров, или их ошибка? Бесстрашная машина для убийств, которая одним видом разворачивает вспять своих врагов или смертный с большими возможностями. Или просто ошибка вселенной, никто и ничто, пар над кипящим чайником. Ничего или водяной пар.

Глава 2.

Очнулся я в госпитале. Рядом суежилась медсестра. Рядом, за столом, сидел сотрудник НКВД — это было видно по форме, — и рядом был мой старшина. Видно было, что сидели давно: две пустые бутылки под столом и одна початая на столе, судя по запаху, с чем-то крепким, а раскосые глаза и веселые улыбки подтвердили мои догадки — весь день, а то и несколько. Госпиталь был почти пуст; к сожалению, выжило слишком мало человек. Не хотелось думать: слишком мало солдат, они в первую очередь люди.

На меня смотрели две пьяные, улыбчивые физиономии. Первое, что я сказал, пробудило у них приступ хохота: «А мне почему не наливают?» Вдоволь насладившись моментом, гражданин, работающий в НКВД, сказал: «Да ты герой, парень!» Парень... Мда, то, что мне больше сотни уже, —

ай, неважно, мне же лучше. Сил пока было мало, я только смог приподняться и улыбнуться. А в это время Громов уже тянул мне стакан. Когда я потянулся его взять, меня и прапорщика по руке стукнула молоденькая и очень симпатичная медсестра: «Ему нельзя! Он только очнулся!» — возмущилась она. «Григорий, майор НКВД», — сказал он достаточно громко, чтобы девушка услышала. — «Он герой, как и его старший товарищ, им присваиваются новые звания, они очень способствовали защите столицы». Девушка посмотрела на него, махнула рукой, и я позвал её: «А что вы делаете сегодня вечером?» Прапорщик и майор заржали, при этом сказав: «А вы говорите — нельзя, может, сегодня вечером вы ему назначите упражнения для умеренной нагрузки?» Девушка стрельнула глазами, подмигнула мне и быстро удалась. «Так, ваши звания: прапорщик Громов, вам присуждается внеочередное воинское звание за заслуги перед Отечеством — младший лейтенант. А вам — звание прапорщика», — продолжил он, глядя на меня. «Служу Советскому Союзу!» — отрапортовал я синхронно с Володиём (так звали моего товарища, а ныне лейтенанта), который торжествующе смотрел на меня. «Владимир, мне кажется, что нашего героя сегодня надо оставить одного, а та девушка за ним приглядит». Они оба улыбнулись и ушли. Мгновением позже вернулся Володя и дал записку с адресом. Думая, почему меня не называют по имени, я вдруг понял... Я ведь попал на фронт без документов, меня все и называли «солдат», а имя

у меня было, и первой, как меня зовут, узнала медсестра, и ночь была действительно хорошей, пусть и бессонной.

Утром, часов в пять, я вышел из госпиталя. Ложиться спать было бессмысленно, да и пока такой надобности не было. Посмотрев на карту, сверив адрес, данный Володей, я понял, что путь предстоял долгий; как обычно в такие моменты, я полностью уходил в размышления. Идти мне часа три-четыре. Поесть положила с собой Люба, девушка-медсестра. А я ведь называл имена многих, с кем общался, а своё так и не назвал. Это короткое отступление для рассказа о себе: как я и писал ранее, эту книгу пишу я, живущий в двадцать первом веке. Ситуация не особо меняется: судьба редко оставляет меня в покое, даёт день или год на передышку, а потом снова война. Пора представиться: Смоляк Алексей Иванович. Я прожил уже достаточно лет и частенько менял имена, но старался как можно чаще возвращаться к оригиналу. Даже Громов не знал, как меня зовут, ведь приходил я на службу без документов — для него была версия, что я погорелец. Слишком часто я скрывал своё имя, чтобы часто представляться. «Сынок», «солдат», «парень» — так было проще. О чём я думал в тот момент, когда по карте шёл из госпиталя, я не помню: я не суперкомпьютер и досконально не помню всего, что было за эти двести с лишним лет, поэтому где-то есть мои провисания и пустая болтовня из двадцать первого века.

Я подходил к адресу Володе, написанному мне на лист-

ке, и поднялся; это была коммуналка с общей кухней. Все двери, кроме одной, были открыты, везде пусто: кто-то ушёл на фронт, кто-то уехал в тыл — картинка была понятной. Подойдя к единственной запертой двери, я постучал; время было около девяти утра. Никто не ответил, я постучал громче и один раз даже пнул дверь. Гробовая тишина стояла в том месте, где почти всегда были звуки. Насторожившись, подёргал ручку, обошёл квартиры — никого и ничего. Подойдя к той самой двери, я вышиб её ногой. Передо мной была фантасмагорическая картина: огромный Громов лежал на диване, меньше его в два раза, да и комната была размером с самого Володю. На полу лежал Григорий; взглянув на стол, я увидел количество пустых бутылок и понял: заработались. Я не стал их будить, нашёл кувшин, наполнил его водой, поставил им на стол, нашёл яйца и пошёл на кухню. Где-то к часу дня я услышал мат из комнаты, взял бутылку водки, найденную в запасах Громова, и пошёл в комнату. «Там вода, тут водка, всего понемногу хлебни — и полегчает. Буди второго, ему тоже лекарство нужно», — сказал я. Но майор спокойно встал, отряхнулся, сделал глоток воды и сказал: «Ты уже здесь, замечательно». Новоиспечённый лейтенант смотрел на него с завистью, и я решил спросить: «У вас есть средство от похмелья?» Он лишь улыбнулся и продолжил: «Мне нужно уладить дела с бумагами, и я вернусь к вам. У меня есть задача — обеспечить наших партизан под Минском должным подкреплением, а вы — лучшие в сво-

ём деле. С подробностями я вернусь через несколько дней». Глядя на меня, он добавил: «К тому же ты там бывал». После чего он встал и вышел. А я остался с холодом на душе, ведь никто не знал, что я там был, никто. Хотелось сказать не «Минск», а «Брест» и выдать себя, нет, не пойдёт. У меня было несколько вариантов: тот генерал, через которого я попал в войска, меня сдал, пусть и косвенно, дал не ту информацию; нет, невозможно; а как? Слежка НКВД? Нет, зачем я им нужен? Я всё время думал о том, что это могли быть они, пришельцы, и каждый раз, говоря себе «нет» и придумывая новые оправдания, подтверждал эту теорию.

Мои размышления прервал немой вопрос Громова, который почти к носу прижал мне бутылку водки. «А давай», — сказал я и опустошил всю бутылку до дна. «Мне надо тебе много о чём сказать, лейтенант, поэтому слушай и решай: идти со мной или идти в войска, здесь, под Москвой». И я рассказал всё, без утайки, все подробности. Он долго молчал, минут десять, потом, ставя на стол бутылку, которую я не нашёл, разлил нам и сказал: «Я не могу ответить тебе на вопрос своими словами, но я отвечу словами Есенина:

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, —
Я говорю на каждый миг,
Что всё на свете повторимо».

Я не совсем понял, к чему эти слова, и вопросительно взглянул на него. «Понимаешь, наша жизнь — это цикл повторяющихся событий: ежедневно ты делаешь одинаковые вещи, но что отличает нас от животных? У них цикличное существование, заточенное на инстинктах, а у нас есть выбор, этим мы и отличаемся, ведь каждый выбор уникален. Хищник не способен на сострадание, он либо убьёт, либо умрёт сам, а ты можешь выбрать: жить или умереть, поесть или быть голодным, поругаться с любимой или принести извинения, а каждый твой выбор меняет тебя и твоё будущее. Я пойду за тобой, это мой выбор: с тобой шанс выжить и принести пользу Родине гораздо выше, хотя тут, скорее, я буду тебе обузой».

Он закончил свой монолог, а я стоял с открытым ртом. Типичный прапорщик, огромный мужик, стереотипный вояка, который обычно говорит: «Копай от того дерева и до обеда» — да, к такому меня жизнь не готовила. Выйдя из оцепенения, я пожал ему руку.

Мы не знали, когда нам ждать Григория, но, скорее всего, раньше завтра он не должен был появиться: работа с бумагами у нас всегда занимала больше времени, чем сражение, о котором пишут эти бумаги. «Чем больше бумаги, тем чище жопа», — так вроде говорят про бюрократов. Володя пошел в торговую точку, у него накопилось достаточно карточек, чтобы у нас был плотный ужин, и я попросил взять то, что мы могли бы взять с собой, может, ребят под Минском обра-

довать. Я всё-таки решил прилечь и подремать; неизвестно, когда у меня получится это сделать на кровати, да что там на кровати, когда это получится сделать лёжа.

Громов вернулся через несколько часов и приготовил очень вкусный ужин. Я до сих пор ему поражаюсь: люди его габаритов всегда были на передовой, а с его мозгами и умениями сидели в штабах. Он выбрал героическую смерть за страну, а не писать бумажки. Не хотел его спрашивать об этом, но был уверен, что ответ будет примерно таким. Мы сели на общей кухне, Володя объяснил, что это западная часть Москвы и многие просто бежали куда могли; я примерно попал в своих рассуждениях. Он достал бутылку водки, два стакана, налил, хотел что-то сказать, но я перебил: «Ты в курсе, что я не пьянею?» Он тихо матюкнулся и сказал: «Да уж, жалко тебя, ладно, я один не могу, давай за нас!» И мы чокнулись. Поели, собрали вещи — мы оба знали: НКВДшник придёт завтра, и хотели заранее подготовиться. Дальше пили и общались. Судя по его энтузиазму, он не поверил, что я не пьянею, и лил мне стаканы целиком; в ход пошли и вторая, и третья бутылки. Так и не опьянев, я взял у уже спящего лейтенанта папиросы и закурил в окно. Да, ночь будет тяжелой. И в первую очередь из-за Володи: пытаюсь напоить меня, он сам наклюкался и спал за столом. Попытки разбудить ни к чему не привели. Я взял это тело и попер на кровать — какой же он тяжёлый! Бросил на кровать, взял из куртки папиросы и ушёл на кухню.

Мне нужно было подумать. Больше всего меня мучила фраза Григория про Беларусь: «ты же там бывал», тут что-то не так. Ещё мне было страшно: только моё падение из корабля пришельцев прошло нормально, дальше, как только я получал многократные смертельные увечья, мой организм выходил из строя на то или иное время. Мне больше не хотелось лезть под пули, я боялся смерти. Вернее, не так: я боялся умереть, пока не отомщу, хотя, может, гибель за свою страну и будет мщением? Не знаю, я скурил всё, что было у Володи. В голову шли неприятные мысли, я не хотел больше думать, зашёл в чью-то комнату и попытался уснуть.

Глава 3.

Проснулся я с тяжёлой головой, не от похмелья, а от раздумий. Володя ещё спал, я тихо приготовил себе завтрак и лейтенанту заодно. Взял кувшин с водой и пошёл будить Володю; он этому не был рад, хотя, увидев кувшин, сразу повеселел, залпом осушил его и пошёл на кухню. Перекинулись парой фраз о планах на день: решили собрать продукты и вещи. Когда придёт сотрудник НКВД, мы не знали, и решили подготовиться заранее. В кой-то веки сходил помыться, побрился и под машинку выровнял волосы. Громов занимался примерно той же рутинной; часам к двум мы были готовы, сидели на чемоданах, так сказать. Григорий не заставил себя долго ждать: практически в тот момент, когда мы уселись после своих дел и сбора вещей, он зашёл без стука, как пола-

гается чекисту. С улыбкой обвёл нас взглядом и сказал: «Вижу, уже готовы. Не знаете к чему, но уже готовы. Приятно работать с такими людьми». «Дело сложное: вам надо встретиться с партизанским отрядом под Минском и подготовить плацдарм для наших войск. От Москвы уже идёт контратака, я не знаю, сколько времени есть у вас — от месяца до нескольких лет. Вы должны возглавить сопротивление, вы должны сделать то, что сделали на подходах к Москве: противостоять более подготовленным солдатам и их количеству. Ваш фронт очень важен. Я найду способ доставить вас туда, а дальше — сами». Володя спокойно выслушал требования, а мне хотелось остаться именно сейчас, в пик войны. Не зная, что делать, я бросил, что хочу в туалет, и ушёл.

Не знаю, почему не думал раньше об этом, но я не хотел. После всех моих безумств я оживал долго, и не факт, что я оживу до конца. Лучше остаться здесь, спуститься в подвал — всё что угодно, чтобы выжить, а уже потом мстить тем, кто сделал с моей семьёй страшные вещи.

«А для чего вокруг тебя крепкие стены, твой подвал, твой бункер, если это зиндан, темница? Ты выйти отсюда не можешь и не хочешь. Это не защита, это тюрьма. Чего ты здесь добьёшься? Один умный человек сказал: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»». Я чувствовал себя оратором коммунизма, к которому относился ровно, скорее положительно, но не до такой степени, чтобы выдавать цитаты Долорес Ибаррури. Мне было жалко себя, но я продолжал, стоя

перед зеркалом: «Кто ты, Лёша? Ты обычный солдат? Нет. Ты хочешь всё своё бессмертие растратить и сидеть там, где тебя никто не достанет? Что ты сказал на могиле своей семьи? Пробудись! Стань романтиком, стань собой — тем, кто с минами бросается на танк, тем, кто не за себя, а за свою страну идёт вперёд. С одним копьём на мамонта, с голой жопой на ежа — да как угодно! Ты всю жизнь боролся не за себя, а за тех, кто стоит за тобой. Страх умереть настолько тебя изменил?! Да, ты прожил уже больше ста лет в молодом теле, все твои реальные ровесники давно мертвы, и рядовые солдаты, что стояли с тобой плечом к плечу, — а ты жив. И ты хочешь сказать, что до сих пор боишься смерти?» Я заорал на самого же себя, смотря в зеркало: «Нет!» Всё это было очень странно: я говорил сам с собой, стоя перед зеркалом, но было ощущение присутствия, как будто при каждой реплике менялось моё выражение лица, и я не мог остановить свой же монолог. Не знаю, что это было, но я пришёл в себя. Умылся и вышел из ванной комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.